ШНЫРКО Александр Алексеевич

канд. филол. наук., профессор кафедры японоведения Восточного института – Школы региональных и международных исследований ДВФУ (г. Владивосток)
Электронная почта: shnyrko.aa@dvfu.ru

К построению функционально-семантического поля негации в современном японском языке

УДК 327 10.24866/2542-1611/2017-4/75-83

Группировка разноуровневых средств выражения отрицания составляет функционально-семантическое поле негации, относящееся к разряду сильно-центрированных полей, центром которых является морфологическая категория. В ФСП негации регулярно воспроизводимые единицы, относящиеся к грамматической категории отрицания, выделяются в качестве одного из конstituентов и составляет центр данного ФСП, остальные выстраиваются по мере ослабления своих функциональных характеристик в направлении от центра поля к его периферии.

*японский язык,
отрицание,
функционально-
семантическое поле,
конституент*

1. К изучению феномена отрицания как одного из важнейших понятий логики, философии, лингвистики, его роли в формировании суждений, их манифестации в языке и способам выражения в речи обращались представители разных научных школ и направлений в различные исторические эпохи.

Уникальность этой свойственной всем естественным языкам понятийной универсалии заключается в том, что она манифестируется не только как морфологическая категория, но также находит выражение в единицах других ярусов. Средства выражения отрицания в японском языке, их характеристика и особенности функционирования рассматривались в предыдущих публикациях автора [12; 13; 14; 15; 16; 17]; настоящая статья представляет собой их систематизацию в форме построения функционально объединённой группировки единиц разных ярусов – функционально-семантического поля негации.

1.1. Номенклатура языковых средств, выражающих отрицание, достаточно разнообразна и в каждом языке имеет свою специфику. В общем случае можно утверждать, что к числу таких языковых средств могут быть отнесены морфологические маркеры в языках с флективно-синтетическим типом морфологической техники (например, русск. *небольшой*), лексические единицы (русск. *нет*, способное функционировать в качестве эквивалента предложения в ответных репликах в диалогах, а также в составе противительной конструкции), местоимения (русск. *никто*, англ. *nobody, nothing*), местоимения и наречия (русск. с префиксом *не-*: *незачем, некогда, неоткуда*, а также с префиксом *ни-*: *никак, никто, ничто, никакой, ниоткуда*), возможно – фразеологические единицы или комбина-

¹ Например, в финском языке «отрицательное предложение образуется почти всегда с помощью отрицательного глагола, который спрягается по лицам и к которому присоединяется простая основа знаменательного глагола, распространенная при необходимости соответствующими суффиксами косвенных наклонений (кондиционала или потенциала) и неопределенно-личной формы (амбиперсонала)...» [11, с. 582].

² Саймон С. Дик приводит данные, полученные О. Далем, рассмотревшим средства выражения отрицания в 240 языках. Согласно этим данным, отрицание выражается: 1) морфологически в сказуемом (*morphologically as a part of the predicate*) – 45,0%; 2) морфологически в служебном глаголе (*morphologically in an auxiliary verb*) – 16,7%; 3) отдельной отрицательной частицей (*by a separate negative particle*: а) в позиции перед глаголом (*in preverbal position*) – 12,5%; б) в позиции перед служебной единицей (*in pre-auxiliary position*) – 20,8%; в) в позиции перед глагольной группой (*in position before verbal group*) – 2,1%; д) в позиции после глагола (*in postverbal position*) – 1,2%; е) в позиции после служебной единицы (*in post-auxiliary position*) – 3,7%; 4) отдельной от-

ции различных языковых средств¹ (русс. *никак не могу, ни к чему, ни при чем*, франц. *Je ne travaille pas* «я не работаю»)².

Что касается соотносительности конститuentов ФСП негации с устройством системы японского языка, то в настоящей работе принимается разработанная И. Ф. Вардулем и представленная в коллективном труде [2] стройная и строго выверенная концепция уровней (ярусов), на которые подразделяется строение японского языка.

Единицы фонологического яруса не связаны непосредственно с выражением отрицания и могут рассматриваться лишь как потенциальная форма материализации единиц более высоких ярусов, так или иначе связанных с выражением отрицания. Некоторую связь между отрицанием и единицами супрафонологического и (отчасти) фонологического ярусов можно усмотреть в противопоставлении обладающих разной «фонологической длиной» единиц [УН] и [У:Н]; первая, краткая (одноморная) единица конституирует морфу УН, в устной диалогической речи выражающую идею утверждения (согласие), а вторая, долгая (двуморная) единица находит своё проявление в морфе У:Н, которая в ответных репликах ассоциируется с идеей отрицания (несогласием): КО:ХИ О НОМУ? «Кофе выпьешь?» – УН, НОМУ «Да, выпью»; У:Н, НОМАНАЙ «Нет, не буду». Единицы лексико-морфологического яруса – морфемы и словоформы – непосредственно втянуты в орбиту функционально-семантического поля негации, при этом роль каждой единицы в формировании конститuentов этого ФСП различна. С понятием морфемы применительно к ФСП негации соотносятся морфологические маркеры отрицания: суффиксы -Н, -ДЗУ, -ДЗАРУ, -НА, префиксы МУ-, БУ-, МИ-, ХИ-, ФУ-. Понятие лексемы связано с наличием отрицательной семы в семантике таких лексических единиц, как, например, КИРАЙ(НА) «нелюбимый, неприятный», ТИГАУ «быть не таким, отличаться от чего-л.» и т.п. Синтаксический ярус – основная страта в языке, в которой проявляются различные (прежде всего функциональные) характеристики конститuentов ФСП негации; с этим ярусом системы японского языка связано предложенное в [12; 14] понятие отрицательной синтагмы как синтагматически ограниченного или совпадающего с границами предложения сегмента, в котором развевается выражение отрицания. В пределах морфосинтаксического яруса реализуются тактические характеристики маркеров негации в составе словоформы. Интерсинтаксический ярус, в пределах которого проявляются закономерности просодики единиц языка, в целом остается нейтральным по отношению к проблеме отрицания. Некоторую связь с негацией можно усмотреть в просодических параметрах инициальных компонентов ответных отрицательных реплик, нюансы в тонировании и интонировании которых могут быть связаны с различными оттенками отрицания; ср. два отрицательных ответа:

ДЗИМУСЁ НО НИНГЭН ДАРО: «Наверно, это человек из офиса» – ИЭ, ТИГАУ ТО ОМОИМАС «Думаю, что нет». 2) ХОКА НИ Ё: ВА? «Желаете еще что-нибудь?» – НАЙ ВА. ХИТОРИ НИ СИТЭ. «Нет. Оставьте меня одну».

Во втором примере отрицание носит более акцентированный характер, чем в первом, и можно предположить, что в речи такое усиление отрицательного смысла сопряжено с более подчеркнутой просодикой соответствующего компонента высказывания.

Супрасинтаксический ярус, регулирующий коммуникативную нагрузку компонентов предложения и связанный с его актуальным членением, имеет прямое отношение к функциональному аспекту проблемы отрицания, в частности, к центральному вопросу в синтаксисе негации – установлению границ отрицания [см. 14; 15; 16; 17].

2. Поскольку в настоящей работе, как указано выше, отрицание понимается шире, чем собственно морфологическая категория, возникает необходимость сведения всего репертуара наличных в языке способов его выражения в некоторое *единство*, сформированное на основе *общности значения*, а следовательно, и *функции* всех объединяемых в это единство языковых единиц. Так как такое единство представляет собой совокупность единиц разных уровней (подсистем), наделённых, соответственно, разными функциональными характеристиками, то и степень проявления инвариантного для всех единиц качества внутри этого единства также должна быть различной. Из этого следует, что единство это организовано *иерархически*, т. е. в нём выделяются элементы с максимальной степенью проявления инвариантных в его пределах свойств, и элементы, в которых интенсивность проявления таких инвариантных характеристик ослаблена или сочетается со способностью данной единицы быть одновременно носителем дополнительных семантических характеристик.

2.1. Иерархия связей между элементами, объединёнными в такое единство, выстраивается в двух противоположных направлениях: *центробежном*, когда ранжированность элементов имеет направленность от центра к периферии по мере ослабления своих инвариантных характеристик, и наоборот, *центростремительном*, при котором степень проявления общих для всех единиц данного единства качеств возрастает в направлении от его периферии к центру.

3. Единство всех наличных в языке средств и способов выражения отрицания может быть представлено в виде функционально-семантического поля негации³, в котором единицы, относящиеся к собственно грамматической категории отрицания, имеющей устойчивые и регулярно воспроизводимые морфологические формы выражения, выделяются в качестве одного из его конституентов и как наиболее сильное, *акцентированное* средство выражения данного значения, составляют центр своего функционально-семантического поля (ФСП), в то время как остальные конституенты, обладающие меньшей исходной базой, более скромной частотностью (регулярностью) и ограниченной сферой употребления, выстраиваются по мере ослабления своих функциональных характеристик в направлении от центра поля к его периферии⁴.

3.1. Соотношение понятий функционально-семантического поля и функционально-семантической категории нуждается в пояснении.

В языке существует функционально-семантическая *категория утверждения-отрицания*, располагающая регулярно воспроизводимыми и противопоставленными друг другу утвердительными и отрицательными морфологическими формами языковых единиц; отрицательная составляющая функционально-семантической категории утверждения-отрицания является основой для выделения функционально-семантического поля негации, которое, как отмечено выше, представляет собой объединение всех имеющихся в данном языке средств выражения отрицания как части всех языковых единиц, кото-

рицательной частицей (*by a separate negative particle*):

а) в начале предложения (*in sentence-initial position*) – 0,4 %; б) в конце предложения (*in sentence-final position*) – 4,2% [19].

³ Автор разделяет предложенную А. В. Бондарко интерпретацию функционально-семантического поля, которое трактуется им как «группировка разноуровневых средств данного языка, взаимодействующих на основе общности их семантических функций и выражающих варианты определенной семантической категории. ФСП – это семантическая категория, рассматриваемая в единстве со средствами ее выражения в данном языке. ФСП характеризуется определенными связями с категориями мышления и – через них – с отношениями внеязыкового мира, однако сами по себе рассматриваемые единства являются собственно языковыми – не только по их формальному выражению, но и по языковому содержанию каждого из средств» [6, с. 15].

⁴ Центральное положение грамматической категории отрицания в составе ФСП негации соответствует выделенным А. В. Бондарко следующим факторам: «1) в МК (морфологической категории – А. Ш.) находит наиболее

специализированное выражение то содержание, которое свойственно данной ФСК (функционально-семантической категории – А. Ш.); 2) МК представляет собой высокоорганизованную систему, в которой находит концентрированное выражение целый комплекс дифференциальных семантических признаков; 3) МК в языках флективно-синтетического типа характеризуются свойством обязательности; 4) из этого свойства вытекает регулярность употребления форм, представляющих данную категорию» [4, с. 58–59].

⁵ Среди явлений, связанных с проявлением негации в синтаксисе, можно отметить две достаточно продуктивные лексико-синтаксические модели с лексическими отрицательными импликативами ДОКОРОКА «какое там, куда там; не говоря уже о ...», но и ...; не только ..., но и ...» и БАКАРИКА «не только ..., но и ...». Обычно эти модели связаны с идеей ограничения, наличием контрастного фонового контекста и выделением смысла последующей после ДОКОРОКА и БАКАРИКА части предложения, носящей отчетливо выраженный логически подчеркнутый характер. Указание на имплицитно присутствующую в ДОКОРОКА и БАКАРИКА сему отрицания можно найти, например,

рыми располагает функционально-семантическая категория утверждения-отрицания. Взаимосвязь утверждения и отрицания как способов выражения отношений между предметами и их признаками, отражаемых в суждении как форме мышления, очевидна. Единицы языка могут дать любому явлению, предмету или признаку утвердительную или отрицательную характеристику. Кроме того, «в речи часто имеет место функциональный сдвиг – несовпадение плана выражения (формы) и плана содержания (смысла). Такое несовпадение проявляется в том, что отрицательное по форме предложение может передавать утвердительный смысл, и наоборот, предложение, утвердительное по своим формально-грамматическим характеристикам (без материально представленных маркеров выражения негации), способно иметь отрицательный смысл (в последнем случае имеют дело с так называемым имплицитным отрицанием ...)» [2, с. 109]; в японском языке примерами такой формально-семантической асимметрии являются, например, постпредикативная модальная концовка Ю: МАДЭ МО НАЙ, имеющая в своём составе маркер отрицания и придающая оценке содержания предшествующей части высказывания подчеркнуто утвердительный смысл «безусловно, бесспорно» (даже если эта предшествующая часть по своей семантике отрицательна), и предложения с лексемами БАКАРИКА и ДОКОРОКА, содержащими в своем значении отрицательную сему⁵.

3.3. Другим примером такой формально-семантической асимметрии могут служить глаголы со вторым компонентом -КАНЭРУ «не мочь, не быть в состоянии; затрудняться, не решаться; смущаться». Как самостоятельная лексема, в этих значениях он не употребляется, но в составе глагольных словоформ придает им дополнительный субмодальный оттенок⁶: а) в утвердительной форме подчёркивает отрицательный смысл (в официальной устной или письменной речи часто используется для вежливого выражения невозможности выполнить действие); б) в отрицательной форме подчёркивает утвердительный смысл высказывания.

Глагол, с которым сочетается в качестве второго компонента -КАНЭРУ (в утвердительной форме), всегда указывает на одушевлённый субъект (первое лицо); в отрицательной же форме (-КАНЭНАЙ) обычно соотносится с понятием третьего лица (как одушевленного, так и неодушевленного). Никакой другой способ выражения возможности с -КАНЭРУ не сочетается (нельзя, например, использовать одновременно пассивную форму: *СОНО ГО-ИРАЙ НИ ВА О:ДЗИРАРЭКАНЭМАС *Не могу откликнуться на эту просьбу»). Исключение составляют глаголы ВАКАРУ в значении «быть в состоянии разобраться, понять»: СОНО КОТО ВА, ВАКАРИКАНЭМАС КАРА, БУТЁ: НИ О-КИКИ НИ НАТТЭ КУДАСАЙ «Я не в состоянии разобраться в этом вопросе, обратитесь, пожалуйста, к начальнику отдела» и ДЭКИРУ «мочь, уметь» в сочетании с корнями китайского происхождения, в значение которых входит сема возможности. Кроме того, если глагол с компонентом -КАНЭРУ имеет форму длительного вида, его субъект может указывать и на третье лицо: КАРЭ ВА ВАТАСИ НО КИМОТИ О ХАКАРИКАНЭТЭ ИРУ Ё: ДА «Ему не понять мои чувства».

Образования с компонентом -КАНЭРУ по своей структуре сходны с основосложными глаголами (МИМАВАСУ «оглядывать»:

МИРУ «смотреть» + МАВАСУ «вращать»; СИХАДЗИМЭРУ «начинать делать, приступать»: СУРУ «делать» + ХАДЗИМЭРУ «начинать»; КАКИНАОСУ «переписывать»: КАКУ «писать» + НАОСУ «исправлять, переделывать» и т.п.), однако отличаются от них тем, что -КАНЭРУ не обладает способностью к самостоятельному употреблению в данном значении. В составе основосложных глаголов второй компонент выполняет роль семантического модификатора значения производящей основы: уточняет, конкретизирует её значение по линии аспектуальности (способу глагольного действия⁷) – начинающему (БЭНКЁ: СИХАДЗИМЭРУ «начать изучать»), финитному (завершительному – НАГАРЭЦУКУ «приплывать»), направительно-му (НАГАРЭДАСУ «вытекать», НАГАРЭКОМУ «вливаться»), интенсивному (КАНГАЭКОМУ «глубоко задумываться») и т.д. Компонент -КАНЭРУ в составе глагольных словоформ выступает в функции своего рода модального модификатора семантики глагольной лексемы – вносит в её значение оттенок «мочь/не мочь, быть в состоянии/не в состоянии, затрудняться/быть готовым сделать что-л.»⁸.

3.4. Если быть последовательным, то на тех же основаниях, на которых выделяется ФСП негации, можно говорить и о выделении в языке функционально-семантического поля *аффирмативности (утвердительности)*, в состав которого вошли бы все присутствующие в данном языке средства выражения утверждения, например, русск. да, утвердительные формы глаголов и прилагательных, возможно, такие модальные наречия, как *конечно, безусловно, несомненно* и т.п.; (включение двух последних единиц в гипотетическое ФСП аффирмативности небесспорно, так как эти же слова могут употребляться и в отрицательных высказываниях для усиления отрицания). Однако и отрицательные, и утвердительные морфологические формы изменяемых частей речи, равно как и лексемы с отрицательной семой в своём значении, могут проявлять свои грамматические и семантические свойства, только будучи противопоставленными друг другу или соотносёнными друг с другом⁹, поэтому при описании обоих ФСП – негации и аффирмативности – привлекались бы одни и те же языковые единицы. Разница заключается в том, что в центре описания ФСП негации находятся средства выражения отрицания, по мере необходимости сопоставляемые со своими утвердительными коррелятами, а в центре описания ФСП аффирмативности оказались бы все средства выражения утверждения, для иллюстрации особенностей синтактики и семантики которых по мере необходимости привлекались бы их отрицательные корреляты. Таким образом, ФСП негации, как объединение семантически маркированных единиц, и ФСП аффирмативности, в котором объединены семантически немаркированные языковые единицы, можно рассматривать как смежные и взаимодействующие сферы описания одного лингвистического феномена – выражения в языке значений утверждения и отрицания. При этом именно в ФСП негации сконцентрированы основные репрезентативные характеристики рассматриваемого языкового явления, что делает детальное развертывание и описание ФСП аффирмативности избыточным.

4. Тезис о центральном положении морфологической категории отрицания в ФСП негации полностью применим к японскому языку, совмещающему в своей морфологической технике признаки флексив-

в [18, с. 109, 930]; ср. также: КАРЭ ВА НИХОНГО ДОКОРОКА ТЮ:ГОКУГО МО ХАНАСЭМАС «Он может говорить не только по-японски, но также и по-китайски»; АМЭ ДОКОРОКА ЮКИ НИ НАРИСО: ДЭС «Похоже, скорее пойдет не дождь, а снег». Наличие отрицательного компонента значения доказывается также и тем, что адекватно интерпретировать эти модели возможно только с помощью языковых средств, содержащих показатель отрицания. Адекватно смысл таких предложений может быть передан заменой в них ДОКОРОКА и БАКАРИКА на БАКАРИ ДЭ НАКУ, ДАКЭ ДЭ НАКУ или НОМИ ДЭ НАКУ («не только»); при этом в предложениях с ДОКОРОКА утвердительная форма предшествующего предикатива должна измениться на отрицательную.

⁶ С. В. Неверов отмечал: «японский этнограф и языковед Оно Хироси говорит, что для японца невыносимо позорно сознание собственного бессилия. Он указывает на этимологическую связь слова «печальный, тяжёлый» (канасий) со словом «невозможный» (канэру)» [9, с. 114].

⁷ «Под способом глагольного действия грамматисты понимают те семантические или семантико-словообразовательные группировки глаголов, которые приносятся в глаголы значения начинательности, ограниченности, многократности и прочие значения, которые можно охарактеризовать как количественно-временные, не видовые значения, а также специальные характеристики достижения результата действия» [1, с. 259].

⁸ Так, в специальной работе [22] рассмотрены 1157 основосложных глаголов, но глаголы с компонентом -КАНЭРУ в их перечень не включены, что косвенно свидетельствует об аффиксоидном характере этой единицы.

⁹ «Всякая языковая категория есть, как это принято в лингвистике, единство составляющих ее противоположностей. Отрицание тоже не исключение. Оно коррелирует со своей противоположностью – утверждением. Это – два полярных языковых значения, два противоположные оппозиции, формирующей единую категорию – «утверждение-отрицание». Оба противоположны этой логико-грамматической категории относительно самостоятельности, и каждый из них можно исследовать в отдельности. Исследование языкового отрицания

ности (в сфере изменяемых частей речи – глаголов и прилагательных) и агглютинативности (в сфере неизменяемых частей речи – существительных, личных и предметных местоимений, субстантивных числительных). Морфологическая категория отрицания в японском языке опирается на регулярно воспроизводимые отрицательные формы предикативов – глаголов и прилагательных, изменяемых по флективно-синтетическому типу. Грамматическая категория (в том числе морфологическая категория отрицания) имеется тогда и постольку, когда и поскольку для выражения её значения регулярно употребляются определенные морфологические маркеры, т.е. если эти морфологические показатели отвечают критериям регулярности (постоянно употребляются в данном значении) и тотальности (охватывают весь корпус изменяемых частей речи).

4.1. Поскольку центр ФСП негации составляет морфологическая категория отрицания как совокупность языковых средств, изначально предназначенных для выражения данного значения, негация относится к классу *моноцентрических (сильно централизованных)* функционально-семантических полей, опирающихся на соответствующую морфологическую категорию. Например, «в русском языке таковы следующие поля: аспектuality (центр – категория вида); темпоральность (центр – категория времени); модальность (объективная; центр – категория наклонения); залоговость (центр – категория залога); компаративность (центр – категория степени сравнения прилагательных и наречий» [6, с. 61]. В противопоставленных моноцентрическим ФСП *полицентрическим полям* конститuentы связаны слабо, изолированы друг от друга и группируются вокруг нескольких центров.

4.2. Языковые единицы, которыми располагает ФСП, связаны между собой определёнными закономерностями, совокупность которых образует иерархически организованную систему. Иерархия конститuentов ФСП негации определяется следующими параметрами, формирующими соотношение его центра и периферии: «1) максимальная концентрация базисных семантических признаков, определяющих качественную специфику данного ФСП (центр) – разреженность таких признаков (периферия); 2) сосредоточение связей, участие в максимальном числе оппозиций (центр) – рассредоточение «сетки связей, их ослабление, проявление той или иной степени изолированности (периферия); 3) наибольшая специализированность данного языкового средства или системы таких средств для реализации определенных семантических функций (центр) – меньшая степень специализации (периферия); 4) регулярность функционирования данного языкового средства или комплекса средств (центр) – нерегулярность или меньшая степень регулярности, меньшая употребительность (периферия)» [9, с. 18].

4.3. Максимальная концентрация инвариантных для всех элементов ФСП негации семантических признаков в японском языке представлена в единицах, которыми располагает морфологическая категория отрицания, прежде всего в суффиксе -Н- (словоформы на -НАИ), который к тому же регулярно участвует во всех оппозициях утвердительных и отрицательных форм предикативов. Меньшей степенью проявления этих качеств обладают другие суффиксы; -ДЗУ в современном японском языке употребляется в основном с нефи-

нитными формами глаголов; -НА используется только в отрицательных императивных глагольных формах; -Н (например, в ИКАН «не пойду», СИРАН «не знаю») можно рассматривать как речевой вариант отрицательного суффикса -НУ, этимологом которого является суффикс письменного языка -ДЗУ, см. [8, с. 477]; от морфемы -НАЙ произведен и приведённый выше суффикс глаголов и прилагательных -Н-; другой, омонимичный обоим -Н-, суффикс также является производным от -НУ и в современном японском языке связан только с вежливыми отрицательными формами глаголов (ИКИМАСЭН, СИРИМАСЭН), см., напр., [23, с. 259–261]. Суффикс -МАЙ имеет не только отрицательное значение, но также выражает предположение, к тому же, обладает меньшей, чем -Н- (-НАЙ) частотностью и регулярностью. Далее от центра поля негации располагаются не содержащая в своём значении отрицательную сему лексема ХАЙ и лексема с отрицательной семантикой ИИЭ и их разновидности (Э, ЭЭ, ИЭ, ИЯ), способные выражать как отрицание, так и утверждение в ответных репликах. Префиксальные маркеры негации (ФУ-, МУ-, БУ-, ХИ-, МИ-) имеют более ограниченную исходную базу: употребляются преимущественно с корнями китайского происхождения. Лексема с отрицательной семантикой НАЙ как специализированное лексическое средство выражения отрицания наличия у ее субъекта какого-либо признака или предмета, расположена очень близко к центру поля, но вступает в ограниченное число оппозиций – противопоставляется утвердительным формам глаголов обладания/наличия; в служебном употреблении НАЙ участвует в оппозициях утвердительных и отрицательных форм составного сказуемого, а также входит в состав устойчивых грамматических единиц с компонентами ВАКЭ и ХАДЗУ. Ещё дальше от центра другие лексемы с отрицательной семантикой КИРАЙ «не любить, ненавидеть», ТИГАУ «быть не таким, отличаться». И, по-видимому, самое маргинальное положение в ФСП негации займут единицы БАКАРИКА и ДОКОРОКА, о которых говорилось выше и которые также участвующие в выражении отрицания.

Кроме перечисленных средств выражения отрицания, в качестве конститuentов ФСП негации в современном японском языке могут выступать и другие языковые единицы, так или иначе имеющие отношение к выражению отрицания и расположенные на различном удалении от центра по мере ослабления степени проявления инвариантных в пределах данного ФСП свойств.

4.4 Обобщая анализ языкового материала, можно прийти к следующим выводам.

Современный японский язык располагает развитой системой морфологических и лексических средств выражения отрицания.

К сфере морфологии относятся отрицательные формы глаголов и прилагательных, образованные с помощью *аффиксов*:

а) *пре-флексивных глагольных и адъективных суффиксов*:

-Н- (ИК-А-Н-А-Й, ТАБЭ-Н-А-Й, АТАКА-КУ-Н-А-Й);

пре-флексивных глагольных суффиксов:

-ДЗУ (ИК-А-ДЗУ-НИ, ТАБЭ-ДЗУ-НИ, ИК-А-ДЗУ-Ø, ТАБЭДЗУ-Ø);

-Н (ИК-А-Н-Ø, ТАБЭ-Н-Ø);

б) *пост-флексивных глагольных суффиксов*:

-НА (ИК-У-НА, ТАБЭ-РУ-НА);

целесообразно проводить в тесной связи с анализом формально-логического отрицания. В формальной логике различие утвердительных и отрицательных суждений определяется как их формальное различие по качеству. Качество суждения – его утвердительность или отрицательность – имеет определенное онтологическое основание (референт)» [3, с. 192].

-Н (ИК-И-МАС-Э-Н, ТАБЭ-МАС-Э-Н);
-МАЙ (ИК-У-МАЙ; ИК-И-МАС-У-МАЙ, ТАБЭ-Ø-МАЙ, ИКИ-Ø-МАЙ).

К разряду явлений лексики принадлежат:

а) сфера образования слов с помощью *префиксов* ФУ-, МУ-, БУ-, ХИ-, МИ-;

б) морфологически немаркированные лексемы с *отрицательной семантикой*:

НАЙ как специализированный лексический негативатор;

КИРАЙ, ТИГАУ;

ХАЙ и **ИИЭ** (и их речевые и стилевые варианты);

в) *ситуативные негативаторы* – лексемы, не обладающиеемой негации, но в определённой коммуникативной ситуации способные выражать отрицание (например, **ТЁТТО**);

г) конструкции с отрицательными импликативами **БАКАРИКА, ДОКОРОКА**.

В выражении отрицания также принимают участие разнообразные комбинации морфологических, лексических и грамматических единиц:

а) *связанные негативаторы* – группа лексических единиц, собственная семантика которых либо подчёркивает отрицательную сему в предикативе, либо может быть полностью реализована только в сочетании с отрицательными формами предикативов в составе рамочных синтаксических конструкций, зачастую имеющих одинаковые или близкие модальные значения; при этом слова указанной лексической группы открывают такую рамку, стоят в её начале, а отрицательная форма глагола или прилагательного её замыкает: **АДАЯОРОСОКАНИ ВА – НАЙ** «не то, к чему можно относиться легко, не пустяк»; **АНАГАТИ ТО ВА – ИЭНАЙ** «не обязательно ..., не совсем ..., не так ...»; **ИТИГАЙ НИ ВА – НАЙ** «безоговорочно не ...»; **ИККО:НИ – НАЙ** «ничуть, несколько не ...»; **ИССАЙ – НАЙ** «ничего не ...»; **ОИСОРЭ ТО ВА – НАЙ** «не сразу, не в один момент»; **КАЙМОКУ – НАЙ** «совсем, полностью, совершенно не ...» и т.п;

б) *устойчивые грамматические единицы (конструкции)*: **-МАЙ ТО СУРУ, -МАЙ ТО ОМОУ** и пр.; **НО ДЭ ВА НАЙ, ВАКЭ ГА НАЙ, ВАКЭ ДЭ ВА НАЙ, ВАКЭ НИ ВА ИКАНАЙ, ХАДЗУ ГА НАЙ** и их варианты (**Н ДЗЯ АРИМАСЭН, ВАКЭ НИ ВА ИКАН** и пр.); **-ДЗУ НИ ВА ИРАЭНАЙ, -ДЗУ НИ ВА ИКАНАЙ** и пр.

Очерченная выше группировка всех наличных в современном японском языке разноуровневых средств выражения отрицания в совокупности составляет *функционально-семантическое поле негации*.

Литература

1. Авилова Н. С. Вид глагола и семантика глагольного слова. – М.: Наука, 1976. 328 с.
2. Алпатов В. М., Вардуль И. Ф., Старостин С. А. Грамматика японского языка. Введение. Фонология. Супрафонология. Морфонология. – М.: Восточная литература РАН, 2000. 151 с.
3. Бондаренко В. Н. Отрицание как логико-грамматическая категория. – М.: Наука, 1983. 212 с.
4. Бондарко А. В. Функциональная грамматика. – Л.: Наука, 1984. 136 с.
5. Бондарко А. В. Категории в системе

функциональной грамматики // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста. – М.: УРСС, 2002. С 15–21.

6. Бондарко А.В. Полевые структуры в системе функциональной грамматики // Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры. – СПб: Наука, 2005. С 12–28.

7. Вардуть И.Ф. О приеме уподобления и разъяснительном виде сложноподчиненного предложения в современном японском языке // Японский лингвистический сборник. – М.: Изд-во восточной литературы, 1959. С 96–124.

8. Кизэда М. Грамматика японского языка. Т 1. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. 676 с.

9. Неверов С.В. Особенности речевой и неречевой коммуникации японцев // Национально-культурная специфика речевого поведения. – М.: Наука, 1977. С 94–127.

10. Проблемы функциональной грамматики: полевые структуры. / Отв. ред. А.В. Бондарко, С.А. Шубин. – СПб: Наука, 2005. 480 с.

11. Хану Томмола. Условные конструкции в финском языке // Типология условных конструкций. – Л.: Наука, 1998. С.325–349.

12. Шнырко А.А. Синтаксические особенности проявления категории отрицания в японском языке // Известия Восточного института Дальневосточного государственного университета, 1995, № 2, С 100–109.

13. Шнырко А.А. О семантике и синтаксических характеристиках конструкции НО ДЭС (в связи с проблемой границ отрицания) // Япония и современный мир. Гуманитарные исследования. Материалы Первой региональной научной конференции. Хабаровск 15 июня 2007 г. – Владивосток: изд-во Дальневост. ун-та, 2008. С 173–195.

14. Шнырко А.А. Проблема границ отрицания в трудах японских лингвистов // Вестник Центра японоведения Восточно-

го института Дальневосточного государственного университета. Филологический выпуск 1. – Владивосток: изд-во Дальневост. ун-та, 2009. С 110–140.

15. Шнырко А.А. О связи негации с морфологией и лексикой в современном японском языке // Вестник Центра японоведения Восточного института Дальневосточного государственного университета. Филологический выпуск 2. – Владивосток: изд-во Дальневост ун-та, 2010. С 135–155.

16. Шнырко А.А. О некоторых синтаксических особенностях отрицания в современном японском языке // Япония и современный мир. Сборник статей памяти профессора Е.В. Верисоцкой. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2010. С 189–209.

17. Шнырко А.А. Отрицание признака одного из соположенных предикатов в японском языке // Известия Восточного института Дальневосточного государственного университета, 2010 (№16). С 231–240.

18. Martin S.E. A Reference Grammar of Japanese. – New Haven; London: Yale University Press, 1975. 1198 p.

19. Dik S.C. The Theory of Functional Grammar. Part 1: The Structure of the Clause. – Dordrecht (Holland); Providence (RI – U.S.A.): Foris Publications, 1989. 433 p.

20. Soga M., Matsumoto N. Foundation of Japanese Language. – Tokyo: Taishukan Publishing Company, 1990. 456 p.

21. Sugioka Y. Interaction of derivational Morphology and Syntax in Japanese and English. – New York; London: Garland Publishing, Inc., 1986. 243 p.

22. Tagasira T., Hoff J. Handbook of Japanese compound verbs. – Tokyo: The Hokuseido Press, 1994. 260 p.

23. 橋本進吉. 助詞・助動詞の研究。東京：岩波書店、1969 = Хасимото Синкити. Исследование частиц и служебных глаголов. – Токио: Иванами сётэн, 1969. 480 с.